

ОБЫЧНО один и те же слова человек воспринимает неодинаково — все зависит от того, слушаешь ты или читаешь. Я не раз ловил себя на том, что во время докладов больше обращал внимание на форму выступления, а не содержание. И, бывает, читаясь по-извращенное тебе выступление — удивляешься: как ты мог им восторгаться? Лишь немногие обладают счастливой способностью (божьим даром) — сказали бы лет спустя назад, — когда их рассуждения с одинаковым увлечением и слушаешь, и читаешь. Лично я считаю это величайшим талантом, которого, к сожалению, так и хватает многих наших писателей, журналистов (увы, и мне в том числе).

Когда я вернулся домой с приема журналистов в Кремле, я так ответил на вопросы о речи Никиты Сергеевича: «Это замечательно и неповторимо! Вчера, прочитав речь в газетах, я сказал сам себе: «Это вдвойне замечательная речь!» — ведь я вновь пересек myself же чувства, что и тогда на приеме. Я попытался разобраться, что именно на меня (вероятно, и на других) произвело такое впечатление.

Незадолго до съезда журналистов я узнал любопытную вещь. Оказалось, американское агентство Ассошиэйтед Пресс собрало и опубликовало понравившиеся американцам меткие выражения, убийственные сравнения, мудрые пословицы, приведенные Никитой Сергеевичем во время его поездки по Соединенным Штатам. Многие из американских собеседников Хрущева признавали, что именно эта насыщенность его выступлений образностью и юмором произвела на них наибольшее впечатление. В таком случае я буду настоятельно рекомендовать своим американским друзьям: пусть они непременно ознакомятся с его речью перед журналистами. «Чтобы клопов морить, не надо жечь дом» — это ответ специально тем, кто усердно старался винить людям, будто Хрущев грозится всех американцев «закопать в землю». «Битие определяет сознание» — замечательно сказано по адресу тех, кто до недавнего времени мечтал об агрессии. «Упаси нас боже от таких «групп свободы», а от врагов мы и сами избавимся» — добавлено только одно слово, и старое изречение приобрело совершенно конкретный и актуальный смысл.

Умом я согласен с тем, что зависеть — скверная вещь, но в душе я завидую этой речи человека, который отнюдь не признается себя ни к писателям, ни к журналистам. Вот какими должны быть наши выступления в печати! Они должны быть вроде хорошо приготовленного блюда, «после которого хочется и пальчики облизать». А почему бы и не так? Потому что вид народа, стоявшего возле газетной витрины, иные из нас препрекрахтерно морщаются: «Это на потребу читателю...»? А почему бы и не писать на потребу читателю? Потому наши газеты должны быть подобны неудобоваримой пище? Потому иные газетчики так выверяли и устрикли статьи, что они превращались в перечень вонючих «железных» формулировок? Потому даже пионеры (не

В ЗНАК ЛЮБИИ И УВАЖЕНИЯ

В знак любви и уважения к замечательному художнику слова Михаилу Шолохову делегаты проходящего в Москве десятого съезда Всероссийского театрального общества устроили вечер, посвященный творчеству писателя.

Открывший вечер критик Ю. Лукин, выступивший затем писатель Е. Поповский, композитор И. Дзержинский, кинорежиссер С. Герасимов говорили об огромном значении и многогранности творчества Михаила Александровича Шолохова.

Его произведения, сказал Ю. Лукин, подлинная сокровищница для всех областей искусства. Художник находит в них яркую живописность, музыкант — высокую гармонию, актеры — остроту сценическую и великолепный народный язык.

На вечере были исполнены сцены из спектакля «Поднятая целина», оперы «Тихий Дон», показаны фрагменты из кинофильмов «Тихий Дон» и «Судьба человека», читались отрывки из других произведений писателя.

В телеграмме, адресованной деятелям искусств столицы и делегатам десятого съезда, Михаил Шолохов пишет:

«Сердечно благодарен вам за признание. Рад буду встретиться с вами в конце ноября. Ваш Шолохов».

ОГНЕННЫЕ СТРОКИ

Политического отдела 1919—17/XI—1920.

Условия боевой обстановки, марки конницы с Западного на Южный фронт для разгрома Врангеля вынудили перенести празднование годовщины на начало 1921 года, когда и был выпущен в свет сборник.

Пятьдесят пять стихотворений, помещенных в этой книжке, принадлежат 52 авторам.

На 25 странице напечатано стихотворение «Конница лихая», ставшее любимой песней конноречевцев:

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор...

...И несется наша конница вперед,

Кулаком, врагам поблажки не дает.

...Скоро, скоро всех врагов

мы разобьем

И свободной вольной жизни

заживем...

Это были предсмертные слова любимого в армии бойца — политического комиссара, донского казака Бахтурова.

Литературные сотрудники армийской редакции старались как можно меньше «править» оригиналами.

К годовщине Конной армии был подготовлен сборник стихов и песен красных кавалеристов. На первой его странице напечатано:

«В праздник годовщины 1-й Конной

Красной Армии честному воину, крас-

ному кавалеристу этой армии — от

писал в своем стихотворении красно-

армеец 36-го кавполка Пивоваров.

Авторы-корреспонденты подчас присыпа-

ли в редакцию стихи без подписи. Так они и попали в газету и сборник.

Знай же, знай: в дыму пожарищ

Мы вперед, вперед пойдем,

И твой стяг, лихой товарищ,

Мы до цели донесем!

Так писал в своем стихотворении «Над могилом Красного героя», неизвестный автор.

В эти дни, когда отмечается сороковая

годовщина создания рабоче-крестьянской

Первой Конной Армии, невольно вспоми-

наются стихи помонюкова эскадрона

С. Трудничего «Слава героям»:

Вы на полях, окропленных

Кровью для нас дорогой,

Бились за всех угнетенных,

За идеал наш святой.

...Под ногами ваши не счесть.

Красным героям России

Вечная память и честь.

Стихи и песни бойцов Первой Конной

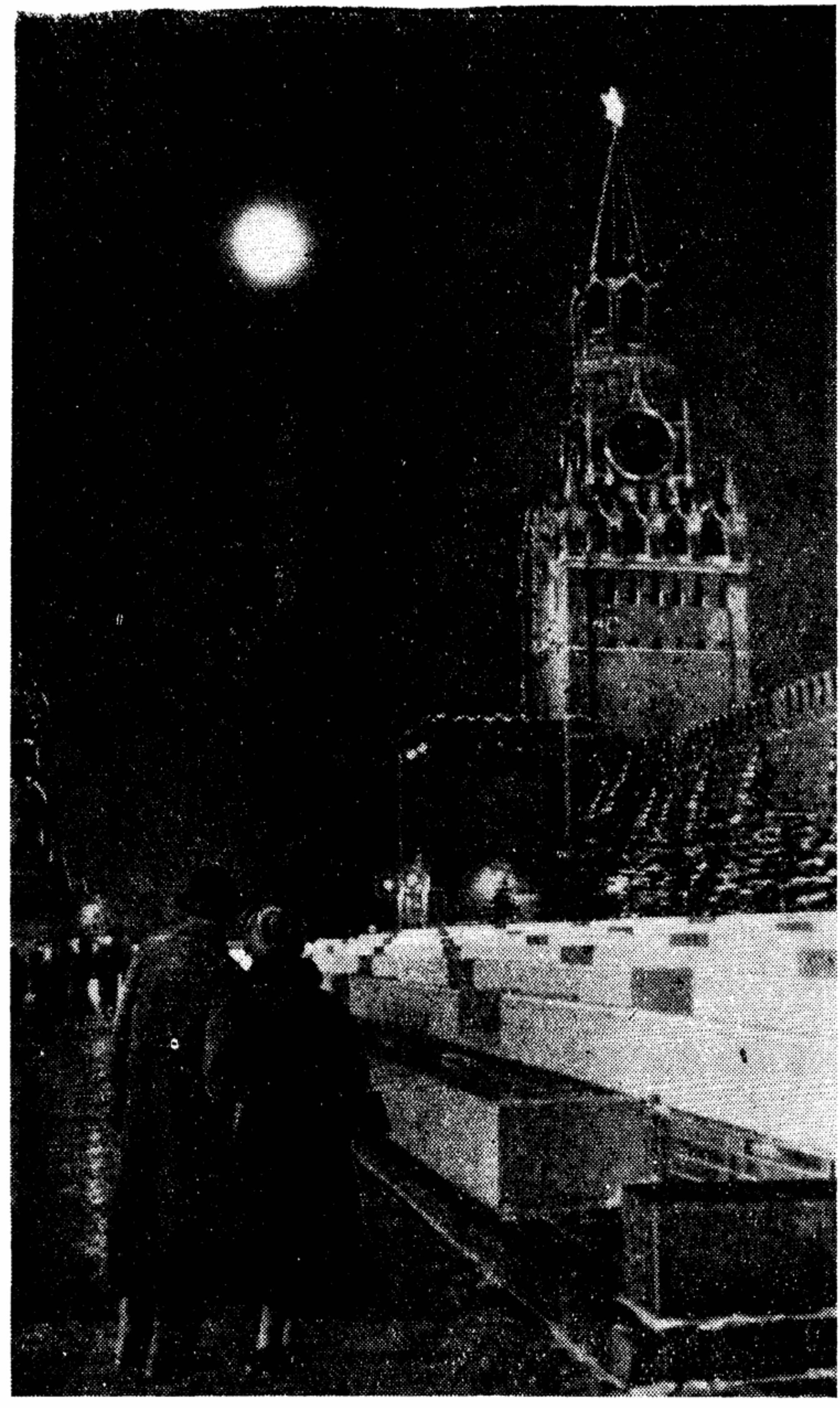
Армии доносят сквозь годы революцион-

ных порывов людей первого поколения за-

щитников Великого Октября.

Б. НИХТЕР,
бывший сотрудник газеты
«Красный кавалерист»

Политического отдела 1919—17/XI—1920.

Лунное притяжение... Луна, как известно, сияет отраженным светом. Теперь она отражает и свет кремлевских звезд. Ибо все человечество знает, что там, на Луне, — вымысел с гербом нашей Родины.

Знакомьтесь: артисты Берлинской комической оперы

Сегодня в помещении Театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко начинаются гастроли берлинского театра Комиши Опер (Германская Демократическая Республика). Это одна из интереснейших музыкальных коллективов Европы, пользующаяся известностью далеко за рубежами своей родины.

В гастрольном репертуаре гостей три спектакля: «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха, «Альберт Херринг» Б. Бриттена и «Волшебная флейта» В. Моцарта. Художественный руководитель театра — лауреат Национальной премии Вальтер Фельзенштейн.

Его постановка «Сказки Гофмана» пользовалась большим успехом, не только в ГДР, а и на родине Ж. Оффенбаха, во Франции. Фельзенштейн коренным образом переработал либретто, приблизив его к Гофману.

Московским зрителям будет показана в постановке Вальтера Фельзенштейна также «Волшебная флейта» В. Моцарта. Ди-

рижирует оперой Гарольд Бирнс, художник — лауреат Национальной премии Рудольф Генрих.

Новинкой для москвичей является комическая опера современного английского композитора Бенджамина Бриттена «Альберт Херринг». Сюжет ее построен на мотивах известной новеллы Мопассана «Избраник жгучих Гуссонов». Однако действие перенесено либреттистом в диккенсовскую Англию и все персонажи носят английские имена.

К выступлениям берлинских гостей в Театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко велась специальная подготовка. Дело в том, что спектакли в Берлине делятся на площадке, постепенно поднимаясь в глубине сцены. Такое же устройство сделано и в Московской. Соответствующим образом переведены осветительные агрегаты.

В составе гастрольной группы — хор, балет и оркестр, всего около трехсот артистов. Спектакли берлинских гостей пройдутся по 2 декабря.

С БРИТВОЙ НАД КНИГОЙ

кеницы, и он вырезал подобные «шедевры». Пойманный с поличным, он попытался представиться сумасшедшим: вместе с толстой пачкой вырезанных иллюстраций принес в библиотеку справку из 12-го психодиагностического диспансера Пролетарского района Москвы, в которой сердобольный врач написал: «Сообщаем, что Козлов Анатолий Алексеевич страдает эпилептиформными припадками... Возможно, что он порвал журнал в болезненном состоянии».

Впрочем, через несколько дней в своем послании в библиотеку Козловставил себе другую «диагноз»: «Товарищ ответственный демонстратор! Передаю вам все, что у меня есть. Никаких обложек я не вырвал, а то, что взял по пьянке, возвращаю!»

Технорук Лисичанского химического комбината С. Эстрин вырезал из библиотечной книги две схемы, испортав при этом несколько страниц. После неизвестных требований Эстрина вернул библиотеке схемы, сопроводив их письмом: «Возвращаю схемы. Приношу глубокое извинение. Сам хотел вернуть, но уехал. После получения Вашего письма не спал целую ночь от угрозений совета. Оправданий нет... Но тут же Эстрина деловито переходит к следующему пункту своего письма: «Прошу Вас, сфотографируйте эти схемы и выплатите мне напожененным платежом. Стоимость фотографий оплачну!»

Можно с удовлетворением отметить, что директор Лисичанского химического комбината обставил Эстрина выговором в приказе за порчу книги в библиотеке имени Ленина.

В ЗАЛЕ периодики Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина иногда можно увидеть на полке пустое место с лаконичной надписью: «Журнал похищен или Журнал испорчен читателями».

— Скажите, — обратился я к сотрудникце библиотеки, — неужели находятся люди, которые умышленно занимаются порчей книг?

— К сожалению, такие люди еще есть...

Я, книголюб, постоянный читатель Ленинской библиотеки, решил понterесоваться, кто же эти люди, которые с помощью бритвы получают нужную им статью, схему или просто покрывающиеся картины? Их, к сожалению, немало.

...Аспирант историко-филологического факультета Московского городского педагогического института имени Погодина Н. Троцкий, соблазнившись фотографией актрисы в иностранной книге, вырезал картины лезвием безопасной бритвы, повредив звонко и сорвавшие листы. Уплатить деньги за испорченную книгу отказался. Сотрудники библиотеки позвонили в институт. Там ответили, что аспирант Троцкий на хорошем счету, и сошли довольно сотрудников библиотеки... неосновательными!

Студентка филологического факультета Киевского университета Н. Скиржанская вырвала карту Испании из уникальной книги. Работники библиотеки имени Ленина еще неделю этого года направили декану филологического факультета письмо с просьбой принять меры. Ответа нет.

Слесарь Главэлектроснаба А. Козлова прельзали рекламные снимки дамских нарядов, изящные ножки ман-

На выставке Николая Николаевича Жукова, открытой сейчас на Кузнецком мосту, показаны произведения, выполненные лишь в последние десятилетия. К сожалению, здесь нет серии фронтовых рисунков сороковых годов, то есть как раз той работы, в которой раскрылись важнейшие особенности его дарования. Когда эта серия впервые появилась на выставках, сразу стала ясно, что перед нами художник, для которого главное — человек, что он умеет видеть в нем и окружающем его мире прежде всего светлое, духовно здоровое, красивое начало.

Гуманизм жизненное — ныне со- ставляют пафос творчества Жукова.

Рассматривая на выставке иллюстрации художника к книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», мы заметим в них недостатки мастерства, на которых в момент их появления не обращали внимания критики. И все же первая высокая оценка не была случайной или пресуслойной: иллюстрации живут и сейчас, потому что в них есть главное — живая связь с временем, к которому они относятся.

«Повесть о настоящем человеке» дает интереснейший пример творческого содружества писателя и художника. Иллюстрации к книге были для Жукова, как и для Полевого, естественным итогом работы военного корреспондента, прошедшего вместе с Советской Армий труждами дороги войны. Создавал рисунки, художник мог опираться не только на литературный текст, но и на свое знание войны, людей, в ней участвовавших. Этот опыт подсказал ему решение образа Мересьева, деревенского мальчишку Сереньки и Федюки, сурогата «бабого командира» деда Михаила, легкомысленной и добрым медсестры Зиночки. Эскиз к одному из самых сильных рисунков — «Ганграва» — был сделан задолго до появления книги, в военном госпитале, где лежал сам художник.

Особенности творческого склада художника сильно и ярко выражены в большой работе над образом В. И. Ленина. Своими рисунками Жуков внес принципиально новые черты в обширную «Ленинскую», созданную советскими художниками, начиная с Н. Андреева. Он отшел от торжественности и приподнятости, чтобы раскрыть глубокую человечность характера Ильинича, бесконечное обаяние его личности и тем самым приблизить его к зрителям. Достаточно напомнить хорошо известную всем «Алпассионату» или рисунки «Пора!», «На канавах», чтобы убедиться в закономерности жуковской трактовки образа. Можно только гордиться, что эти листы художника перевели недавно в новую для него технику литографии. Это придало им новые качества — большую графическую строгость, законченность, позволило дать десятки оригиналов вместо репродукций, далеко не всегда сохранивших точность воспроизведения.

Для многих зрителей было неожиданностью увидеть на выставке акварели Жукова, известного главным образом как мастер рисунка. А он много и увлеченно пишет акварелью. Здесь тот же поддающийся строкой мыслей и чувств художника, открытых всему светлому, чистому, радостному. Именно так смотрятся пейзажи «Ветер», «Посл прошел», многочисленные на- порты и портреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры, движений человека подкупают в набросках, сделанных в Китае, Италии, Чехословакии. В этих ярких сценах находишь так органичную для Жукова доброжелательную наблюдавшую

портреты и претреты.

И все же первенство, на мой взгляд, безусловно принадлежит рисунку, в котором художник гораздо значительнее и оригинальнее. Легкость, свобода его карапаша, умение умно и тонко подметить выразительность натуры, мгновенно схватить характерность лица, фигуры,

СРЕДИ КНИГ

ПОИСКИ, НАХОДКИ, ПОТЕРИ

Новая поэма М. Луконина «Признание в любви», — безусловно, значительное литературное явление. Она интересна и сама по себе, как зерный плод глубоких раздумий и большой творческой работы талантливого поэта. Она наводит и на некоторые общие соображения о путях развития нашей поэзии.

В поэме отразились большие идеи и большие темы нашей жизни. В конечном счете она говорит о судьбе советской деревни, об исторических решимых, которые в недавнее время привлекли партию. Поэма привлекает многим — и ясностью идейной позиции поэта, и широтой охвата темы, и размахом самого повествования.

Поэма М. Луконина привлекает современным звучанием стиха. А это дело в поэзии не последнее.

Мы много и охотно говорим о традиции и новаторстве — этой вечной и всегда новой проблеме искусства, но чаще всего говорим «вобщее», абстрактно, отрываясь от живого и конкретного опыта. Но потому ли времени приходится снова и снова возвращаться к забытым истинам: что форма в искусстве не менее активна, чем содержание, что существуют они, форма и содержание в единстве, что история мирового искусства содержит множество убедительных примеров, когда самое что ни на есть архивное содержание теряет свою художественную убедительность, утрачивало силу своего эстетического воздействия из-за консервативности, устаревости и инертности самой формы.

За примерами не стоит ходить далеко. Вспомним хотя бы некоторые «шедевры» архитектурных излишеств» недавнего времени. Гостиничное высотное здание на Комсомольской площади в Москве — бесспорно современное сооружение по своему назначению, и по инженерно-строительному замыслу, и по материалам, из которых оно возведено. Но постепенно оно возвратилось к аляповатой, псевдорусской, пышно-купеческой, бездарно эклектической архитектуре этого сооружения вступает в стиль резкого противоречия с его смыслом и назначением, с его техническим решением, с его объемом и силуэтом, что не может не возмущить эстетическое чувство любого человека, который смотрит в будущее не затыкая.

Что подобное встречается и в поэзии. Но если в областях архитектуры на наших глазах произошли и происходят серьезные сдвиги, то в поэзии, увы, продолжает невозбранно шириться поток вского рода банаильных пасторальных песенок, развеселых частушек, душевнательных романов, а порой и торжественных октав. От всего этого так и несет нафталином. Я бы не хотел, чтобы меня поняли неправильно. Не о том идет речь, что пора, мол, отказаться от амбов и хореев и дружно устремиться, скажем, в неизведанные области свободного стиха. Бессспорно, либы и хорен как были, так и останутся на вооружении нашей поэзии (хотя, конечно, никому не возбраняется искать удачу и на других путях). Настоящий поэт, поэт-мастер, всегда сумеет извлечь из старых, хорошо послуживших ямбов и хореев и новое звучание, и новую силу, и новое художественное очарование.

Речь идет о том, что слишком много расплодилось в нашей поэзии не стихов, а «стишков», настолько пустотельных и легких, что они даже не оседают в памяти, настолько гладких и «обкатанных», что они уже решительно ничем не задевают мысли, ни воображение. Еще в очень давние времена о таких «стишках» было совершенно справедливо сказано:

Нет, молодость имеет право на мысль свою,
на рифму новую.
Наш поиск в юности дороже,
иди, открытиями радуга.
Нет, наши люди не похожи
на управляемых по радио...

Присоединяясь к этим словам с памятным сочувствием.

Наиболее удались М. Луконину две первые части его обширной поэмы. Первая часть — «Начало тревоги» — это по преимуществу размышления поэта о жизни и о своем пути. Здесь возникает тема «возвращения к себе» — обретения утраченной былой душевной целостности и того беспокойства, без которого жизнь теряет смысл и цену. Вторая часть — «Позма в поэзии» — широкий рассказ о старой, нищей деревне и ее кулацко-мироедах и бедняках, о страшных засухах и голодах, о брожении и борьбе народа. В третьей части — «Новая встреча» — действие снова переносится в наше советское время. Возникают картины первых лет колхозизации, строительства Стalingрадского тракторного завода, великих строек послевоенных лет. И здесь есть немало хорошего (например, отлично написано о том, как кулаки загубили первый на деревне трактор), но именно эта третья часть поэмы вынуждает говорить не только о наехах, но и о потерях М. Луконина.

Читая поэму, ясно видишь, что М. Луконин ищет «речь точную и нающую», свободную от псевдоэпопеистических узорных фантилошек, скрупульную и динамическую. Он ищет поэтическое слово, которое светло было смыслом, которое неизменно заменяется в стихе первым попавшимся, которое входит в стих, как пуря в ствол. Он ищет и часто находит. В поэме есть много мест, раздающие замечательной точностью стихотворной речи, написанной скжато, экономично, энергично. Вот, например, картина старой, дореволюционной нижневолжской пристани:

...Горы бочек и ящиков.
С берега дуло крепким запахом пота, рогожи, сельды...

...Шли и шли, зализываясь...

На площадках скрипучих спали, резались в карты, рева, босяки, и лежали кругом на обетвленных краухах бородатые дети великой реки...

Или вот как сказали о засухе:

Клубился пылью след отар...

Земля—все травы полегли, твои дожди ссыхались в пар, не долетая до земли...

Или вот типичный, зрячий образ кулацких домов:

четырехскатные, крытые жестью, закрытые, как сундуки, дома...

И самый стих в таких случаях помогает делу: доносит мысли в наиболее органической для нее форме...

передает ее своими специфическими средствами — размером и ритмом. В картинах и сценага народной жизни (надо в первом случае) он звучит эпически широко и свободно; во втором случае, когда речь идет о жестокой народной беде, он полон внутренней, глубоко застененной и сдержанной энергии, а в третьем случае как бы «ворочается», тут и неулюже, как вся цукацкая скучная жизнь.

Но точность и «нагота» стихотворной речи не должны сбиваться на сухость. Стихия поэзии — страсть, эмоциональное воодушевление, энергия душевных движений. М. Луконин умеет писать эмоционально, зажигая читателя своим волнением, своей душевной тревогой. И все же, когда читаешь его поэму, кажется, что он словно не всегда доверяет своей мужественной эмоциональности и подчас старается говорить как можно сдержаннее, как можно суще. И тогда его крепкий и гибкий стих вдруг винят и тяжелеет, теряет крылья.

Почему это происходит? Думается, из-за боязни сокольнуться в «поэзии», в банальности и общедоступности «гладкости». Но разве можно ради этого приносить в жертву эмоциональность? Ведь она проявляется в поэзии по-разному — не только на птичьем языке «поэзии», но и в строгих, монументальных и полифонических формах. И как раз лучше куски поэмы «Признание в любви» свидетельствуют об этом со всей очевидностью. К сожалению, в третьей части поэмы, где М. Луконин говорит о том, что его наиболее волнует, порой не чувствуется огня и полета. Так, например, вяло и холодно звучит глава «Новая встреча». Она написана белым стихом, а это требует от поэта очень больших забот и усилий. Тут легче всего удастся в прозе — «да и дурнов», как говорил Пушкин. Белый стих — нечто аморфное, это строгая, можно сказать, стройная форма, подчиненная очень тонким законам ритмики. У М. Луконина белый стих еще недостаточно гибок и подвижен.

Бесспорно, вредят поэме многосложные. Отдельные картины и сцены написаны, как уже сказано, скжато и энергично, но в целом поэма растянута. Дело поэзии — обобщать, а не дробить наблюдения и мысли, интегрировать их в образе. Между тем в ряде мест луконинской поэмы настраданы в сию же геническое время лежит на самом стиле его поэмы, на тех средах словесно-образного выражения и ритмической организации стиха, которым пользуется поэт. Он не подражает Маяковскому, но, прочитав поэму «Признание в любви», каждый, у кого есть слух на стихи, скажет, что она написана после Маяковского, а не после Фофанова. М. Луконин отстаивает свое право поэта на творческий поиск в таком страстном, убежденном тоне:

Нет, молодость имеет право на мысль свою,
на рифму новую.
Наш поиск в юности дороже,
иди, открытиями радуга.
Нет, наши люди не похожи
на управляемых по радио...

Присоединяясь к этим словам с памятным сочувствием.

Наиболее удались М. Луконину две первые части его обширной поэмы. Первая часть — «Начало тревоги» — это по преимуществу размышления поэта о жизни и о своем пути. Здесь возникает тема «возвращения к себе» — обретения утраченной былой душевной целостности и того беспокойства, без которого жизнь теряет смысл и цену. Вторая часть — «Позма в поэзии» — широкий рассказ о старой, нищей деревне и ее кулацко-мироедах и бедняках, о страшных засухах и голодах, о брожении и борьбе народа. В третьей части — «Новая встреча» — действие снова переносится в наше советское время. Возникают картины первых лет колхозизации, строительства Стalingрадского тракторного завода, великих строек послевоенных лет. И здесь есть немало хорошего (например, отлично написано о том, как кулаки загубили первый на деревне трактор), но именно эта третья часть поэмы вынуждает говорить не только о наехах, но и о потерях М. Луконина.

Читая поэму, ясно видишь, что М. Луконин ищет «речь точную и нающую», свободную от псевдоэпопеистических узорных фантилошек, скрупульную и динамическую. Он ищет поэтическое слово, которое светло было смыслом, которое неизменно заменяется в стихе первым попавшимся, которое входит в стих, как пуря в ствол. Он ищет и часто находит. В поэме есть много мест, раздающие замечательной точностью стихотворной речи, написанной скжато, экономично, энергично. Вот, например, картина старой, дореволюционной нижневолжской пристани:

...Горы бочек и ящиков...

...Шли и шли, зализываясь...

На площадках скрипучих спали, резались в карты, рева, босяки, и лежали кругом на обетвленных краухах бородатые дети великой реки...

Или вот как сказали о засухе:

Клубился пылью след отар...

Земля—все травы полегли, твои дожди ссыхались в пар, не долетая до земли...

Или вот типичный, зрячий образ кулацких домов:

четырехскатные, крытые жестью, закрытые, как сундуки, дома...

И самый стих в таких случаях помогает делу: доносит мысли в наиболее органической для нее форме...

ВЛ. ОРЛОВ

◆

И не стоит авторам «стишков» ссылаться на верность старым традициям. Настоящей традицией большой русской поэзии всегда было безостановное движение вперед, беспристрастное расширение «диапазона звучания». Державин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Некрасов, Блок, Маяковский, — когда только мы вспомним из корифеев русского стиха, — каждый настойчиво и неустанно искал пути и средства дальнейшего расширения и обновления своего древнего, как мир, искусства. В этом же состоит пафос художественных исканий лучших поэтов нашего времени.

Нужно ли доказывать, что художественный стиль — понятие историческое? Мы говорим «стиль эпохи», и это не только стершись метафора. У нас, у советских людей середины XX века, есть свой стиль жизни, свой стиль работы. Можно и должно говорить о наследии советской и технической мысли и техники, и притом самобытного стиля нового, и при этом не отрицаю старого, как мир, искусства. В этом же состоит пафос художественных исканий лучших поэтов нашего времени.

Поэма М. Луконина привлекает современным звучанием стиха. А это дело в поэзии не последнее.

Мы много и охотно говорим о традиции и новаторстве — этой вечной и всегда новой проблеме искусства, но чаще всего говорим «вобщее», абстрактно, отрываясь от живого и конкретного опыта. Но потому ли времени приходится снова и снова возвращаться к забытым истинам: что форма в искусстве не менее активна, чем содержание, что существуют они, форма и содержание в единстве, что история мирового искусства содержит множество убедительных примеров, когда самое что ни на есть архивное содержание теряет свою художественную убедительность, утрачивало силу своего эстетического воздействия из-за консервативности, устаревости и инертности самой формы.

За примерами не стоит ходить далеко. Вспомним хотя бы некоторые «шедевры» архитектурных излишеств» недавнего времени. Гостиничное высотное здание на Комсомольской площади в Москве — бесспорно современное сооружение по своему назначению, и по инженерно-строительному замыслу, и по материалам, из которых оно возведено. Но постепенно оно возвратилось к аляповатой, псевдорусской, пышно-купеческой, бездарно эклектической архитектуре этого сооружения вступает в стиль резкого противоречия с его смыслом и назначением, с его техническим решением, с его объемом и силуэтом, что не может не возмущить эстетическое чувство любого человека, который смотрит в будущее не затыкая.

Что подобное встречается и в поэзии. Но если в областях архитектуры на наших глазах произошли и происходят серьезные сдвиги, то в поэзии, увы, продолжает невозбранно шириться поток вского рода банаильных пасторальных песенок, развеселых частушек, душевнательных романов, а порой и торжественных октав. От всего этого так и несет нафталином. Я бы не хотел, чтобы меня поняли неправильно. Не о том идет речь, что пора, мол, отказаться от амбов и хореев и дружно устремиться, скажем, в неизведанные области свободного стиха. Бессспорно, либы и хорен как были, так и останутся на вооружении нашей поэзии (хотя, конечно, никому не возбраняется искать удачу и на других путях). Настоящий поэт, поэт-мастер, всегда сумеет извлечь из старых, хорошо послуживших ямбов и хореев и новое звучание, и новую силу, и новое художественное очарование.

Речь идет о том, что слишком много расплодилось в нашей поэзии не стихов, а «стишков», настолько пустотельных и легких, что они даже не оседают в памяти, настолько гладких и «обкатанных», что они уже решительно ничем не задевают мысли, ни воображение. Еще в очень давние времена о таких «стишках» было совершенно справедливо сказано:

Нет, молодость имеет право на мысль свою,
на рифму новую.
Наш поиск в юности дороже,
иди, открытиями радуга.
Нет, наши люди не похожи
на управляемых по радио...

Присоединяясь к этим словам с памятным сочувствием.

Наиболее удались М. Луконину две первые части его обширной поэмы. Первая часть — «Начало тревоги» — это по преимуществу размышления поэта о жизни и о своем пути. Здесь возникает тема «возвращения к себе» — обретения утраченной былой душевной целостности и того беспокойства, без которого жизнь теряет смысл и цену. Вторая часть — «Позма в поэзии» — широкий рассказ о старой, нищей деревне и ее кулацко-мироедах и бедняках, о страшных засухах и голодах, о брожении и борьбе народа. В третьей части — «Новая встреча» — действие снова переносится в наше советское время. Возникают картины первых лет колхозизации, строительства Стalingрадского тракторного завода, великих строек послевоенных лет. И здесь есть немало хорошего (например, отлично написано о том, как кулаки загубили первый на деревне трактор), но именно эта третья часть поэмы вынуждает говорить не только о наехах, но и о потерях М. Луконина.

Читая поэму, ясно видишь, что М. Луконин ищет «речь точную и нающую», свободную от псевдоэпопеистических узорных фантилошек, скрупульную и динамическую. Он ищет поэтическое слово, которое светло было смыслом, которое неизменно заменяется в стихе первым попавшимся, которое входит в стих, как пуря в ствол. Он ищет и часто находит. В поэме есть много мест, раздающие замечательной точностью стихотворной речи, написанной скжато, экономично, энергично. Вот, например, картина старой, дореволюционной нижневолжской пристани:

...Горы бочек и ящиков...

...Шли и шли, зализываясь...

На площадках скрипучих спали, резались в карты, рева, босяки, и лежали кругом на обетвленных краухах бородатые дети великой реки...

Или вот как сказали о засухе:

Клубился пылью след отар...

Земля—все травы полегли, твои дожди ссыхались в пар, не долетая до земли...

Или вот типичный, зрячий образ кулацких домов:

четырехскатные, крытые жестью, закрытые, как сундуки, дома...

И самый стих в таких случаях помогает делу: доносит мысли в наиболее органической для нее форме...

ДОРОГОЙ СВОБОДЫ

Президент и председатель правительства Гинейской Республики Секу Туре

САМОИ молодой африканской республике Гинея исполнился год. После того как гвинейцы проголосовали против проекта французской конституции, Гинея обрела независимость. Однако ее народу предстояло преодолеть большие трудности. Колониализм оставил тяжкое наследие — в экономике, в быту, в культуре. Для колонизаторов Гинея была лишь огромным резервуаром дешевого сырья и столь же дешевой рабочей силы. 90 процентов жителей Гинеи не учились читать и писать...

В дни, когда решалась судьба Гинеи, а гвинейцы пытались убедить, будто без благодеяний колонизаторов они пропадут, пламенный гвинейский патриот Секу Туре — ныне президент Гинейской Республики — произнес гордые слова: «Мы предпочитаем жить свободными в бедности, нежели рабами в богатстве».

Прошел год. Под водительством правящей демократической партии гвинейцы с энтузиазмом строят новую жизнь. «Человек — превыше всего», — провозгласил президент Секу Туре. Развитие отечественной экономики, преобразование административной, юридической и социальной системы страны — все это отвечает чаяниям народа. За год независимой жизни Гинея в руках трудящихся построено свыше в тысяча километров дорог, 672 моста, 7 600 метров плотин. Засеяно 2 440 коллективных по-

татка в почтовой корреспонденции. В 1945 году Секу Туре возглавил первый в Гвинее профсоюз, а уже в 1948 году он избирается генеральным секретарем гвинейской секции Всеобщей конфедерации труда. В те же годы Секу Туре становится одним из руководителей Демократического Африканского объединения, а с 1952 года — генеральным секретарем демократической партии.

Когда Гинея доживала последние годы своего колониального прошлого, трудящиеся страны уже знали, что Секу Туре — верный защитник их интересов. В 1955 году они избрали его из столицы Гинеи — Конакри, а спустя год — депутатом французского Национального собрания от Гинеи. В 1957 году Секу Туре возглавлял правительственный совет Гинеи. Сейчас президент Секу Туре одновременно является председателем гвинейского правительства. Сила правительства Гинеи, как однажды подчеркнул сам президент, состоит в том, что она «вышла непосредственно из народа, хорошо знает его жизнь и нужды».

В ближайшее время Гинея приступает к реализации первого трехлетнего народно-хозяйственного плана. Гвинейцы исполнены решимости развивать свою горнодобывающую промышленность, наладить у себя производство сельскохозяйственных машин и одновременно улучшать свою жизнь, жизнь своих детей. Опираясь на бескорыстную помощь друзей, Гинея твердой поступью идет по пути свободы и прогресса.

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ. 196... ГОД

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Это может быть завтра

◊ А. ЛЕОННДОВ ◊

Много лет назад английский писатель Герберт Уэллс написал книгу под названием «Машину времени». Уэллс описывал, каким, по его мнению, будет мир в 802701 году.

Мы не собираемся гадать, что случится через сотни тысяч лет. Представим себе, какова будет жизнь завтра, в шестидесятые годы нашего века. Что произойдет в мире, если будет принят советский план всемобщего и полного разоружения?

Машина времени в движении. Мы наблюдаем...

Первый этап.

Решение принято. Организация Объединенных Наций объявляет о начале всемобщего разоружения. Газеты выходят с гигантскими заголовками на всю страницу. В парламентах всех стран мира выступают премьер-министры. Улицы запускаются народом. Незнакомые люди жмут друг другу руки. Реакционные газеты Запада печатают статьи, доказывающие, что для человечества наступает эпоха упадка. В Бонне по улицам проходит демонстрация отставных генералов гитлеровской армии с плакатом: «Разоружение — это конец культуры!» В Нью-Йорке на несколько дней закрывается биржа.

Начинается упразднение армий. Солдаты покидают казармы и лагеря.

Заседает Всемирная конференция по разоружению — самая важная из всех когда-либо происходивших международных конференций. Правительства доказывают, как намечается провести разоружение в каждой стране, что сделано сегодня и будет сделано завтра. Люди рвут газеты из рук продавцов. В лагере реакции смятение. Агенты военных монополий пытаются отравить атмосферу. Некоторые буржуазные профессора предсказывают, что завтра в их странах произойдет небывалый экономический крах. Но разоружение продолжается.

Первый шаг сделан.

Рывок вперед машины времени — не на столетия, а всего лишь на месяцы. Мы видим...

Второй этап. Завершается ликвидация вооруженных сил. Повсюду: в Европе, в Америке, в Азии — в каждой стране происходит одно и то же. Сухопутные армии, военно-морские флоты и военно-воздушные силы перестают существовать.

Мир становится неизвестным. Миллионы людей возвращаются к своим семьям. В распоряжении государства остаются небольшие отряды милиции. Но армии исчезают навсегда.

Ликвидируются все военные базы, созданные в чужих государствах. Войска возвращаются на родину и распускаются. Нигде не остается иностранных солдат — ни «дружественных», ни победителей. То, что с незапамятных времен отправляло международные отношения, вычертывается из жизни народов.

Пушки, танки, снаряды, военные корабли, самолеты идут на слом и на переплавку. Военные заводы переборуваются на производство машин и товаров широкого потребления. Сынки ста миллионов человек возвращаются к мирному труду.

Правительства объявляют о переходе к третьему этапу разоружения — самому важному. Сkeptики не верят своим глазам: происходит уничтожение атомных водородных бомб и военных ракет. Расщепляющиеся материалы перетекают из ядерных производств в ведение учёных. Ракеты используются для транспорта и покорения Вселенной. Самый опасный механизм в военном арсенале

графику неизбежные, закономерные последствия всеобщего разоружения. И вновь мы видим...

Разоружение завершено. Что происходит на шахматной доске международной политики?

Мир по-прежнему разделен на две противоположные социальные системы. Ни социализм, ни капитализм не уступают друг другу. Спор между ними продолжается. Капиталисты остаются капиталистами, социалистический лагерь борется за торжество своих принципов так же неустанно и непреклонно, как раньше.

Борьба идей становится в разворачивающемся мире еще более напряженной. Разоружение не ведет к идеалистической будущести в международных отношениях, ибо закон классовой борьбы действует по-прежнему. На международных конференциях делегаты Советского Союза и теперь выступают с острой принципиальной критикой неправильных или несправедливых решений капиталистических держав. Идет неспроста бурное соревнование в области экономики и культуры. Как и раньше, на Западе интенсивно открытыми являются жизнью многих миллионов людей, скелетоны умиравших на 20—25 лет раньше сроки. Всем им даруется еще по меньшей мере гостья жизни. Самая гигантская энергия в мире — энергия человеческой мысли полностью переключается на решение гуманистических задач. Сбросив со своих плеч оружие, человек становится нелобидимым.

Внимание ученых сосредоточивается исключительно на проникновении в тайны природы, на улучшении и удлинении жизни человека, на том, чтобы превратить гостиницу Земли во властителя Вселенной. Ведется генеральное наступление на рак, сердечные заболевания, туберкулез, гипертонию и другие болезни. Уже вскоре после начала разоружения медицина и биология выступают с триумфальными открытиями. Удлиняется жизнь многих миллионов людей, скелетоны умиравших на 20—25 лет раньше сроки. Всем им даруется еще по меньшей мере гостья жизни. Самая гигантская энергия в мире — энергия человеческой мысли полностью переключается на решение гуманистических задач. Сбросив со своих плеч оружие, человек становится нелобидимым.

Борьба идей становится в разворачивающемся мире еще более напряженной. Разоружение не ведет к идеалистической будущести в международных отношениях, ибо закон классовой борьбы действует по-прежнему. На международных конференциях делегаты Советского Союза и теперь выступают с острой принципиальной критикой неправильных или несправедливых решений капиталистических держав. Идет неспроста бурное соревнование в области экономики и культуры. Как и раньше, на Западе интенсивно открытыми являются жизнью многих миллионов людей, скелетоны умиравших на 20—25 лет раньше сроки. Всем им даруется еще по меньшей мере гостья жизни. Самая гигантская энергия в мире — энергия человеческой мысли полностью переключается на решение гуманистических задач. Сбросив со своих плеч оружие, человек становится нелобидимым.

Люди дышат спокойно. В первый раз за всю историю ни одна страна не опасается нападения со стороны другой. Нельзя воевать голыми руками. Агрессоры, милитаристы, революционеры, застрелившие «холодной войны», торговцы смертью — все они стали фигурами прошлого, хотя никто из них от него еще не отказался. Буржуазные политики уже не могут наживаться на сбыте оружия, разжигать воинственный шовинизм, проповедовать крестовые походы из-за идеологических расхождений, шантажировать слабые нации. Фельдмаршалы не могут мечтать о том, чтобы стать атомными гитлерами. Миллиардеры не могут провоцировать международные конфликты, чтобы продать свою правительству еще одну партию ракет и самолетов.

В Европе наследство ликвидирована угрозой германского милитаризма, развязавшего две мировые войны и готовившегося развязать третью. Тень прошлых войн сопьется с международной сценой. Силен и влиятельен теперь тот, кто создает больше материальных и духовных ценностей и более справедливо распределяет их между людьми. Побеждает разум, а не кулак, лучший общественный строй, а не водородная бомба.

А дальше?

...Машина времени прекращает движение. Мы возвращаемся в наше сегодня и думаем, как много не увидел в будущем Уэллс...

Утопия? Нет, дело завтрашнего дня, если Запад поставит свою подпись под светским проектом.

Ключ к будущему в руках народов. Кто сильнее людей ХХ века?

«Я НЕДОВОЛЕН

По страницам зарубежных изданий

После принятия советского предложенного о всеобщем и полном разоружении.

Рисунок художника Рауля Вердина из итальянского журнала «Vie nuove»

рами. Миллиардеры не могут провоцировать международные конфликты, чтобы продать свою правительству еще одну партию ракет и самолетов.

В Европе наследство ликвидирована угрозой германского милитаризма, развязавшего две мировые войны и готовившегося развязать третью. Тень прошлых войн сопьется с международной сценой. Силен и влиятельен теперь тот, кто создает больше материальных и духовных ценностей и более справедливо распределяет их между людьми. Побеждает разум, а не кулак, лучший общественный строй, а не водородная бомба.

А дальше?

...Машина времени прекращает движение. Мы возвращаемся в наше сегодня и думаем, как много не увидел в будущем Уэллс...

Утопия? Нет, дело завтрашнего дня, если Запад поставит свою подпись под светским проектом.

Ключ к будущему в руках народов. Кто сильнее людей ХХ века?

«Обоснование» от реализма

САБО ЛАСЛО,

венгерский журналист

Охотники за небылицами

Нас, людей Венгрии, давно уж перестали удивлять подобные провокации. Не впервые появляется такое на страницах некоторых безответственных газет, стремящихся нагнетать атмосферу «холодной войны». Однако на сей раз мы решили побывать по указанному в списке адресам, где якобы проживали казненные.

С первых же наших шагов мы установили, что в министерстве внутренних дел Венгрии нет никакого мифического четвертого отделения. Далее оказалось, что из 31 имени «казненных» ни одно не зарегистрировано в адресных столах Венгрии. Таких людей в стране вообще не существует.

Скажем, в списке «Немезетэр» приводится имя Баноша Эндре, студента фармацевтического факультета университета. Банош якобы родился 19 апреля 1938 года. Как мы установили, единственный во всей Венгрии человек с таким именем родился в 1927 году. Никогда он не был студентом-фармацевтом и находится в добром здравии.

Нет ни в Надьканнине, ни в Мишкольце, ни в самом Будапеште Крайана Адама, Ладаша Игнаца, Фершега Оскара, Кришко Даниэля, Кубицы Деме, Силяши Роберта, Тота Габора, Зарники Эндре, Арбатски Золтана. Имена эти выдуманы. Кстати, узнали мы, что в Венгрии есть три Иштванфи Лайша. Один из них крестьянин, живет в деревне Вишне, родился в 1912 году. В списках же он назван шахтером, 1936 года рождения. Другой Иштванфи Лайш проживает в Токодтаро, чернорабочий. Третий — будапешт, проживает в 11-м районе, по улице Каролита.

Если бы видели, как он удивился, когда я шутя спросил его:

— Вы еще живы?

Узнав, в чем дело, Иштванфи Лайш отпустил расхохотался. Ему 50 лет, работает лаборантом селекционной станции Аграрного института. Он сказал:

— Сколько же пришлося им ломать голову, чтобы придумать подобное выражение!

Вот так обстоит дело с этим самым списком «казненных». Такова правда о неправде врагов Венгрии.

БУДАПЕШТ

Литературный сотрудник прочитал и ахнул:

— Чудесно написано! И главное, никто никогда не писал на эту тему!

— Вы уверены? — спросил редактор.

— Абсолютно, — сказал заместитель.

Тогда редактор отнес рассказ ответственному секретарю.

Ответственный секретарь прочитал и ахнул:

— Чудесно написано! И что важнее всего, еще никто никогда не писал на эту тему!

— Вы не ошибаетесь? — спросил редактор.

— Никаких сомнений, — сказал ответственный секретарь.

Тогда редактор вызвал к себе литературного сотрудника и велел ему прочитать рассказ.

Перевод с болгарского Н. ЛАБКОВСКИЙ

— Совершенно! — ответил литературный сотрудник.

Тогда редактор возвратил рассказ молодому автору.

— Чудесно написано! — сказал он писателю. — Но, к сожалению, еще никто никогда не писал на эту тему...

Перевод с болгарского Н. ЛАБКОВСКИЙ

созвучны времени. Они разительно напоминают демагогические речи о «народном» капитализме и о золотой эре всеобщего процветания, которое он принес с собой на землю Америки. Здесь не место писать о политической и экономической несостоятельности этой концепции. Заметим только, что А. Кейзину она послужила дурной службой, сделав его в известной степени союзником Эрби, открыто выступающего против общественного характера литературы и против реализма.